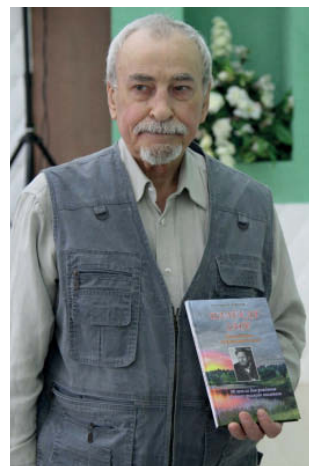

Берега юбилеев

Геннадий Сазонов

Геннадий Алексеевич Сазонов – родился в 1950 году в Тверской области. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, отработал в печати более 40 лет. Публиковался во многих периодических изданиях Советского Союза и РФ. Издал 35 книг поэзии, прозы, публицистики. Литературно-критические очерки печатал в журналах: «Берега», «Север», «Лад Вологодский» и др. Автор книги о жизни и творчестве классика русской литературы В. И. Белова. Лауреат ряда всесоюзных и всероссийских литературных премий и конкурсов. Член редакционного Совета журнала «Берега». Живёт в Вологде.

«РОДИНА – ЭТО ЛЮДИ...»

К 110-летию со дня рождения Александра Яшина, поэта, прозаика, фронтовика

Что самое **главное** для русского писателя в нынешнюю сложную и противоречивую эпоху?

Давайте вслушаемся внимательно в следующее искреннее признание:

«Оглядываясь назад, я думаю о том, как мы непропорционально много тратим времени на ненужные хлопоты (на всякие якобы теоретические изыскания и разговоры о сущности поэзии, путях её развития, о традиции и народности), когда нужно просто писать. Писать, у кого пишется. Писать, пока пишется. Писать, пока хочется, пока тянет к столу. Писать и писать, а там... видно будет, что чего стоит, кто чего может достичь. Разные же теоретические сочинения и выкладки пускай берёт на себя кто-то другой, из тех, кто, вероятно, умнее нас. А дело художника сидеть и трудом своим, постоянной творческой напряжённостью, сосредоточенностью и прилежанием расплачиваться за великое счастье жить на земле.

Много времени и сил тратим мы ещё на разные удовольствия, на чепуху, между тем как истинное удовольствие писатель может найти только в работе, за столом, за бумагой.

Трудно представить себе что-либо более печальное, чем подведение жизненных итогов человеком, который вдруг осознаёт, что он не сделал и сотой, и тысячной доли из того, что ему было положено сделать...»

Эти глубоко выстраданные слова написал Александр Яшин 24 апреля 1968 года, отвечая на «Анкету о народности поэзии». А через некоторое время, 18 июня, писатель умер в одной из клиник в Москве. И это его последнее откровение вполне можно назвать «Завещанием Яшина» всем, кто ныне причастен к русской литературе – великой духовной реке, нескончаемо текущей во Времени и Пространстве.

Когда я думаю о Яшине, человеке и художнике слова, я почему-то представляю начало весны, поздний вечер, крутой берег реки Юг, сосновый бор.

...Воет метель, переметает дорогу на Бобринин Угор, хочет по крышу завалить снегом избу Яшина, где рядом он спит вечным сном.

Напрасно старается!

Уже днём припекает солнышко, веселее тенькают синицы, грядёт весна.

Ве-сна!

Это значит – пробуждаемся от сна, от зимнего унынья.

Именно в такую пору 27 марта 1913 года в большой крестьянской избе деревни Блудново, что недалеко от городка Никольска, появился на свет Александр Попов, будущий поэт и прозаик, публицист, создатель Вологодской писательской организации, известный в русской литературе под именем Александр Яшин.

Что бы там ни говорили, а живой голос – бесценное наследие! Помню, дочь поэта, Наталья Александровна, представляя книгу отца «Слуга народа», где собраны его лучшие поэтические и прозаические произведения, включила магнитофонную кассету. И вдруг большой зал Вологодской областной библиотеки как бы исчез, растворился в спокойном, властном говоре Яшина, чуть приглушённом, взволнованном... Голос сразу захватывал душу в плен.

Александр Яковлевич звал на малую родину – в деревню Блудново, на берега реки Юг, приглашал насладиться красотами родной земли, которая неизменно была для него глубинным понятием Родины.

Всё испытала, всё превозмогла –
 Года тяжёлых рукопашных схваток,
 И выстрелы врагов из-за угла,
 И длинные хвосты у продпалаток.
 «Великая!» – мы говорим о ней,
 Даём присягу в верности сыновней
 И воспеваем с пристальной любовью
 Берёзки, реки, ширь её полей.
 А все ли помним
 И всегда ль
 о том,
 Что родина была, и есть, и будет
 Не только реки, горы, отчий дом,
 Не просто небо и земля,
 А – люди?
 ...Спешите на выручки, других зови, –
 Пусть не найдётся душ глухих и жёстких!
 Без этого к чему слова любви
 О родине,
 О речках,
 О берёзках?

О, как прав поэт!

Повинимся, перед Вами, Александр Яковлевич!

Ох, не все и далеко не всегда помнят, что Родина – люди, да, прежде всего – люди! Для немалого числа, к сожалению, люди отошли на «второй план», стали «биомассой», «лекторатом». Простое и доброе общение уступило место стяжанию, страсти обогащения, эгоизму. А у некоторых даже понятие «деревня» вызывает аллергию или психический шок. И уже драгоценности, воспетые вами, – Отечество, Верность, Братство, Совесть, Честь – несколько потускнели в общественной словесной шумихе.

Но, как говорится, ещё не вечер!

Помню, накануне одного из юбилеев Яшина его «живым голосом» стала художественная выставка в вологодском Кремле, названная строкой поэта: «Спешите делать добрые дела...» И сам писатель, и герои стихов, рассказов и повестей явились на полотнах вологодских художников. Особое впечатление на меня, да и на многих посетителей произвели портреты Яшина и его матери Евдокия Григорьевна кисти академика живописи Владимира Корбакова. Живописец, к слову, дружил с поэтом. В соседнем зале – внушительная коллекция фоторабот (48 авторов) – «Для меня Россия – эти вот родимые места». На них запечатлены не только излюбленные Яшиным уголки в Никольском районе, но и в Кириллове, Белозерске, на Сладком острове в Новом озере, где он бывал, отдыхал, писал. Таким образом, для того, кто побывал тогда в Центральном выставочном зале, возникало ощущение близкого общения с поэтом, благодарной радости от свидания с ним.

II

Семья, где родился Саша Попов, была крестьянской в нескольких поколениях. Отец Яков Михайлович не вернулся с Первой мировой войны.

С младенчества мальчика окружала поэзия сельского труда и быта, русского духа, прикосновение к которому надолго оставляло след в душе. Его бабушка, Авдотья Павловна, знала сказки, былины,

плачи, была известной сказительницей в округе и, вне сомнения, оказала сильное влияние на внука в смысле поэтического восприятия мира.

Да и мать, Евдокия Григорьевна, не уступала бабушке по части шуток, прибауток, поговорок. Глубинная стихия родного слова стала для Яшина, как и когда-то для олонецкого «ведуна» Николая Клюева, притягательной силой, душевной привязанностью.

И уже в школе Саша Попов слыл сочинителем, «рыжим Пушкиным», как его называли товарищи, а для себя решил: «Буду писателем».

Это желание он пронёс по жизни до последнего дыхания.

Александр Яшин, окончив педагогический техникум в Никольске, рано вступил на путь литератора, часто печатал стихи и прозу в газетах Великого Устюга, Вологды, Архангельска.

В 1934 году, когда ему было 20 лет, в Архангельске вышла первая книга стихотворений «Песни Северу». Молодой поэт стремился запечатлеть «злобу дня», отношение к событиям, свидетелем которых был.

«Я написал свою первую песню, когда захлебнулся от радости, – вспоминал он, – когда впервые ощутил чистое сердцебиение нашей жизнерадостной молодости».

Несмотря на стилевые погрешности, недостаток мастерства, в той книге присутствовало главное: **искренность и сердечность**, без чего нет подлинной поэзии.

Видимо, это и помогло Яшину стать делегатом I Всесоюзного съезда писателей. Вскоре он переехал в Москву, где издал вторую книгу стихов «Северянка». На неё обратил внимание известный тогда поэт Николай Асеев.

Учился в Литературном институте, по окончании его Яшин добровольцем ушёл на Великую Отечественную войну, был военным корреспондентом, политработником. Участвовал в обороне Ленинграда, Сталинграда, освобождении от фашистов Крыма. Издал два сборника стихов – «На Балтике было», «Город гнева».

Фронтные события, личные впечатления от пережитого на войне Александр Яковлевич отразил в дневниковых записях, изданных отдельной книгой. С неё, а также с поэмы «Алёна Фомина», за неё в 1950 году он получил Государственную премию СССР, начался путь Яшина в большую советскую литературу.

III

Со временем Александр Яковлевич стал известной личностью в литературном мире, некоторые коллеги оставили воспоминания о нём.

На мой взгляд, наиболее правдиво написал о Яшине Фёдор Абрамов в очерке «Семь вёрст до небес», когда побывал в избе на Бобришном Угоре и в деревне Блудново. К слову, избу на Угоре Яшину помогал ставить Василий Белов, его любимый ученик и последователь, к тому же – профессиональный плотник.

На Бобришин Угор Фёдор Александрович добирался, по приглашению Яшина, самолётом, потом на перекладных, а в конце – пешком по тропе в сосновый бор. «Меня немало удивил облик Яшина, – писал Абрамов, – который показался мне не очень деревенским, да, пожалуй, и не очень русским. Большой, горделиво посаженный орлиный нос (у нас такого по всей Пинеге не сыщешь), тонкие, язвительные губы под рыжими, хорошо ухоженными усами и очень цепкий, пронзительный, немного диковатый глаз лесного человека, но с усталым, невесёлым прижмуром...

Он просто задыхался от бешенства, от своего бессилия. Ведь ещё недавно его носили на руках, чуть ли не со звоном и местные власти, и земляки, а сейчас все отвернулись, хамство на каждом шагу. Колхоз даже избу достроить отказался, хотя у него с колхозом было специальное трудовое соглашение.

– А за что, собственно, такая немилость? За то, что человек честную вещь написал?

...И с ним было нелегко – того и гляди, ужалит. А, с другой стороны, сколько в этом человеке было доброты, детской доверчивости, искреннего бескорыстия и благородства, русской удали и русского озорства!

Существует мнение, что русский национальный характер по своим качествам является характером полярным, характером противоположностей. Так вот, Яшин – ярчайшее подтверждение. И надо ли говорить, что именно особенности яшинского характера во многом предопределили исповедальный характер его зрелого творчества, его совесть и самосуд, не знающий никакой пощады к себе?»

Верю Абрамову.

На Бобришном Угоре обретаешь умиротворённость, внутренний голос не мог лукавить, хитрить. Но случай-то был, конечно, «тяжёлый».

В ту пору оба писателя – Яшин за рассказ «Вологодская свадьба» («Новый мир», 1962), а Абрамов за очерк «Вокруг да около» («Нева», 1963) – были в «глубокой проработке», их, проще говоря, травили по указке из «высоких партийных кабинетов». В газетах Москвы, Вологды, Ленинграда, Архангельска, Карпогор, да и в других местах появились статьи, рецензии, где Яшина и Абрамова разносили в пух и прах.

Собственно, как вопрошал Яшин в разговоре с Абрамовым, «за что»?

Только за то, что тот и другой честно и откровенно повели разговор о наболевших проблемах деревни! Поскольку уже «гиря дошла до полу»; как говаривал великий Лев Толстой: «Не могу молчать!»

Яшин и Абрамов завели разговор о том, что все видели, но молчали!

Отважились сказать о деревне «без малейшей лакировки».

Этот эпизод как бы из «внешней канвы» судьбы Александра Яковлевича, а суть была глубже. И проявилась она, разумеется, задолго до опубликования в «Новом мире» безобидного в целом-то рассказа «Вологодская свадьба» о житье-бытье земляков из Никольского района.

Мог он поступить иначе? Вряд ли. «Я без вологодской деревни – никуда! – говорил писатель. – Жизнь моя и поныне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей родной деревни. Трудно моим землякам – и мне трудно. Хорошо у них идут дела – и мне легко живётся и пишется».

Не только эта, по выражению Глеба Успенского, «власть земли» довела над поэтом и прозаиком Александром Яшиным, не отпускала, требовала правды и искренности. Она ещё требовала быть честным перед самим собой, отвечать за каждое слово. Потому что Яшин верил, что слово – основа вечности, что мы от слова оправдаемся и от слова осудимся...

IV

После всего, что было увидено и пережито в страшные годы Великой Отечественной войны, Яшин с особой болью размышлял о судьбе русского народа, о его духовной силе, о его повседневных потерях и нестроениях.

«Война все чувства наши обострила», – писал он на фронте.

Философское глубинное осмысление бытия невольно отражалось в поэзии и прозе и столь же невольно вступало в противоречие с принципами «социалистического реализма», с реальной жизнью, которую видел и изучал писатель.

Поэту **было тесно** в заведомо поставленных рамках, он понимал, что бытие народа гораздо сложнее, гораздо разнообразнее, чем какие-либо «директивы». Он пытался вынести на суд совести и себя самого, и народ, и страну, не давая поблажки никому. Яшин поднимался на ту высоту, о которой великий Николай Некрасов сказал: «Кто живёт без печали и гнева, тот не любит Отчизну свою».

А что получалось на практике?

Ещё в 1947 году Александр Яшин собрал сборник стихотворений «Живая вода», где попытался сказать о своих новых чувствах.

Книга не вышла, набор стихов в типографии рассыпали.

«Литературные генералы» и «товарищи из бюро» поставили Яшину в вину то, что он излишне увлёкся «сугубой лирикой», тем самым подрывал «устой социалистического мировоззрения».

И это-то Яшин? Подрывал «устой». Больше нелепости трудно придумать.

Мужичья косточка, крестьянин с головы до пят, которому в каменной Москве чуть ли не каждую ночь снились вологодские зори и озёрные затоны! Именно тогда он написал:

Скучный и злой, наверное, был
Тот, кто, надев мундир,
«Мёртвую природою» окрестил
Весь этот добрый мир.
Он и в другом убедить спешил,
Чувства и честь глуша,
Будто бы нет у людей души...
Есть у меня душа.

Душа – вот главная ценность!

Душа – вот поэтическое мерило!

А где душа, там её подвиг откровения и покаяния. Поэт приходит к мысли о необходимости «создать новое общество, а не новую форму государства».

«Хочется быть предельно правдивым, я бы сказал, хочется быть совестливее и искреннее перед самим собой и перед людьми, как на исповеди», – так думал Яшин.

Нравственное, духовное начало, по его мнению, основа основ всякого строя, именно оно способствует движению страны вперёд. И жить надо так, чтобы «Отчизна была сильной, а люди святыми».

Почему тогда не прислушались к Яшину?

Почему посчитали его творческие поиски «заблуждением»?

V

Перед поэтом встали два пути – покориться «суровому реализму» или сберечь душу, наполнить её добротой и любовью, новыми ощущениями совершенства природы и окружающего мира.

Александр Яковлевич Яшин выбрал второй путь.

Он не стал отрекаться от себя, подстраиваться под «официальное мнение». И произошло своего рода чудо – случилось нравственное возрождение поэта. Сборники стихов «Совесть» (1961), «День творения» (1968), «Границы души», «Босиком по земле», «Бессонница» явили читателю «нового» Яшина – «бегущего босиком по траве». В тот период он написал наиболее значимые свои прозаические вещи – рассказ «Рычаги», повесть «Сирота», сборник «Угощаю рябиной», повести «Слуга народа», «Вологодская свадьба». Все эти, весьма значимые, произведения, вписали новую страницу в русскую литературу. И они продолжают сохранять свою значимость, свою актуальность, несмотря на то что в существующем либеральном режиме отношение к личности и творчеству Яшина весьма прохладное.

Но вопреки тому, имя Яшина на Вологодчине особо чтимо, я бы даже сказал – почитаемо!

Хотя, казалось бы, в прекрасных авторах здесь никогда не было недостатка – Даниил Заточник, Константин Батюшков, Алексей Ганин, Николай Клюев, Сергей Викулов, Василий Белов, Ольга Фокина, Николай Рубцов, Александр Романов...

И всё же Александр Яковлевич на особом счету.

На мой взгляд, тому есть серьёзные причины.

Во-первых, как никто другой, Яшин много писал и говорил о любви к родной земле, гордился любовью и своей землёю, считал, что лучше, чем вологодский край, на земле ничего другого нет.

А во-вторых, именно Александру Яшину обязана рождением «Вологодская литературная школа».

Как вспоминал известный русский поэт Александр Романов, Яшин не раз говорил о том, что на войне погибло очень много талантливых, совсем молодых ребят, из них непременно выросли бы большие поэты и прозаики. «Но своей гибелью они защитили те таланты, – подчёркивал Александр Яшин, – которые мы пока ещё не знаем. Мы должны открывать их, помогать им и объединять воедино ради дружной работы в советской литературе...»

Вологда должна выручить литературу...»

Вот это «Выручить!» и стало краеугольным камнем «вологодской школы». Ну, показывал пример, конечно, сам Яшин.

Он любовно – другого слова я не подберу – пестовал Василия Белова, считал его своим «духовным сыном». Именно Александр Яковлевич посоветовал молодому Василию Белову написать «Привычное дело», интересовался ходом работы над повестью, был в числе первых её ценителей.

Столь же трепетно относился Яшин к Николаю Рубцову, которому помогал и морально и материально, не раз выручал его «из переплётов». Не случайно одно из самых проникновенных стихотворений «Последний пароход» Николай Рубцов посвятил Яшину, там есть строки:

В леса глухие, в самый дальний град
Плыл пароход, разбрызгивая воду, –
Скажите, кто вернулся бы назад?
Смеясь, ходили мы по пароходу.
А он, больной, скрывая свой недуг,
Он, написавший столько мудрых книжек,
На целый день расстраивался вдруг

Из-за каких-то мелких окунишек.
И мы, сосредоточась, чуть заря,
Из водных трав таскали окунишек,
Но он, всерьёз о чём-то говоря,
Порой смотрел на нас, как на мальчишек...

Здесь хорошо передан образ Александра Яшина как Учителя.

Он был, конечно, суровым наставником, похвалок никому не давал, хвалил редко. Бывало и так, что отрицательное мнение Яшина о чём-то творчестве могло поставить автора в «тень» на годы.

Между прочим, строгий «яшинский подход» к оценке писательского труда сохранили вологодские авторы и доньине. Это по-своему неплохо.

18 мая 1968 года, находясь в больнице в Москве, Александр Яшин послал письмо в Вологду своему другу, художнику Владимиру Корбакову:

«Дорогой Владимир Николаевич. Спасибо за письмо. Я лежу, на этот раз очень всерьёз – нашли, наконец, мою болезнь. Было две операции, после чего со мной даже академик Блохин перестал быть доверчивым. Решаться ли сделать третью – неизвестно, у меня сил осталось мало. Спасибо тебе за дружбу, за счастье общения с тобой».

Письмо оказалось последним.

18 июня 1968 года поэт скончался в возрасте 55 лет от рака, в самом расцвете творческих сил. По завещанию, его тело перевезли в Блудново и похоронили на Бобришном Угоре, рядом с избой, которую он любил ещё и потому, что к её строительству приложил руки плотник и великий писатель Василий Белов.

Кстати, на выставке «Спешите делать добрые дела...» Владимир Корбаков представил большое полотно «Тайны Бобришного Угора», где в художественных символах передал основные мотивы творчества поэта и прозаика.

За последние тридцать лет творчество Яшина, как и большинства известных советских писателей, оказалось мало востребовано. И не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять причины. Если бы сегодня напечатали отдельной книгой острую социальную повесть Александра Яшина «Слуга народа» и раздали бесплатно депутатам Государственной Думы, то, думаю, реакция была бы ошеломляющей.

Каждый из них мог бы узнать себя (если ещё способен на такое!) в главном герое, который из слуги Народа превратился в слугу для Себя. Это лишь одна параллель, а можно провести и многие другие.

Творчество Яшина по-прежнему злободневное, «неудобное».

Поэтому-то Яшина и не издают!

Поэтому не снимают фильмы по его произведениям, не читают с театральных подмостков прекрасные по своей откровенности и цельности стихи. Тут невольно вспомнишь дневниковую запись, приведённую в одном из изданий дочерью поэта Натальей: «Когда трудовой народ в массе своей будет жить хорошо – не говорю **так же** хорошо, но хотя бы просто хорошо! – как и слуги народа, тогда появятся и настоящие возможности для расцвета литературы».

Ну, не в бровь, а в глаз!

Напомню, почти **тридцать лет (!)** Государственная Дума не принимает закон «О творческих Союзах», поставив тем самым художников, писателей, актёров, журналистов **вне закона**.

Разве Александр Яшин был не прав?

Возвращаясь к одному из главных его произведений – повести «Слуга народа», отмечу, что, в противовес своему герою, Александр Яковлевич был действительно слугой народа, подлинным, настоящим. Служил ему верой и правдой, словом и делом. Честным слугой народа!

Творчество его выдержало проверку временем.

И верю, настанет день, когда Александр Яшин, вне сомнения, вернётся со своей поэзией и прозой к широкому русскому читателю.

И мы вместе с ним будем радоваться красотам русской природы и негодовать по поводу всего, что мешает нам жить в полную силу.

Помню, дочь поэта Наталья подарила избранный томик отца с краткой надписью: «Геннадия Сазонову – по поручению Александра Яшина».

Это – большая честь для меня, большая ответственность, о чём я не забываю никогда.